

погаснет, превращение, кажется, состоится. До поры, впрочем, пока судьба не швырнет ее сверху вниз, оставив нас с легкой надеждой, что Живка вновь, может быть, станет собой.

В двух этих спектаклях очевиден закон театра: психологизм в главных фигурах спектакля, разработанных сложно, объемно и сохраняющих это в игровой вакханалии, бушующей вокруг них. Городничий и Министерша — отсюда. Недаром эти роли даны артистам, которые попросту не могут играть однозначно и плоско: Мажуге, с его душевной достоверностью и обаянием, и Назаровой, с ее спрятанным до поры, но неизменным внутренним драматизмом.

Сразу после залихватской комедии Нушича шла трагедия, сумрачная, суровая. Спектакль "Тойбеле и ее демон" по пьесе И. Башевис Зингера и И. Фридмана был показан на прошлых гастролях и вновь теперь, — визитная карточка театра, программная его работа, решенная Резниковичем и Левитской в духе старинной легенды; история женщины, любившей того, кто явился к ней демоном — и не признавшей его в земном облике. Олег Треповский, играя своего Алхонона, не слишком акцентирует различия этих двух ипостасей, героя обиденного и ночного. Мы видим одного человека, душевно мягкого, от природы лишеного демонизма, — беднягу, обреченного на раздвоение, попавшего в собственную сеть; Тойбеле, ослепленная страстью, не видит. Вся роль у Назаровой проходит как единый порыв души, цельной, доверчивой, способной к такой полноте и силе чувства, которая несовместима с обычной жизнью, гибельна, и завершается гибелью.

Опасность и гибельность страстей, атмосфера предгрозя, растущее, не отпускающее напряжение, — все это кажется родной стихией театра; во всяком случае, выбор гастрольных спектаклей таков.

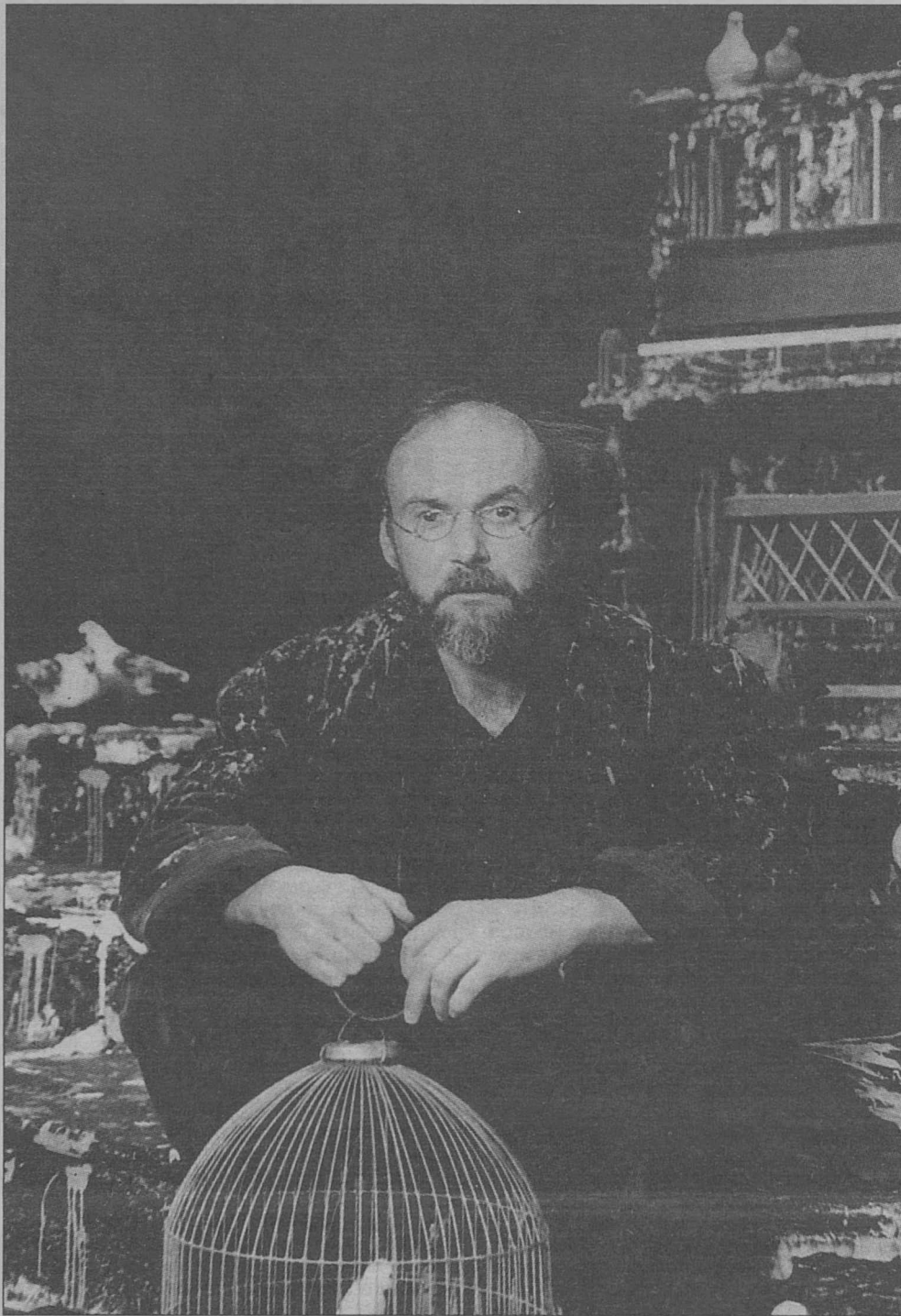
На этой линии — "Месть по-итальянски" Пиранделло в постановке Ирины Барковской, история ревности, туманящей разум, жестокой, ломающей семьи и судьбы. Судьба несчастной Фиорике (Ольга Кульчицкая), в помрачении ревности взрывающей собственный мир, не вызывает однако сочувствия. Слишком велика цена помрачения, жертвой которой становится зависимый, маленький человек, писарь Чампа (Виктор Алдошин), втянутый в хозяйские игры. Но и его пожалеть трудно; вернее, поначалу жалеешь, пока не обнаруживается в нем домашний расчетливый деспот, и не предполагает он, поменявшись с хозяйкой ролями, ответную жестокую месть.

Для русской сцены Пиранделло всегда был труден. Все в его пьесах условно и зыбко; у каждого могут быть разные личины и роли; жертвы и их мучители могут меняться местами. Театру нужна готовность к таким переменам; зрителям — дистанция для трезвой, отстраненной оценки. То и другое в спектакле Барковской есть; актеры работают самоотверженно, не заставляя нас любить и прощать героев; история, грозящая мелодрамой, избегает ее, оставаясь театральной игрой страстей.

На сцене, где художник Сергей Масдобойщиков создает впечатляющий образ разрухи, исчезнувшего уюта, в духе эдакой эстетики беспорядка, движутся, мечутся или скользят по своим траекториям реальные и воображаемые герои. Пластика, порыв, танец — главные средства актеров; врезки действия и диалогов растворены в этом общем потоке. Шквал страсти, который подхватил героиню, ломает ее и несет, передан Кульчицкой в таком же шквальном движении, пролетах, пробегах. Дуэты влюбленных пар, то ли нафантазированные ею, то ли где-то происходящие, — в страстном и откровенном танго. Балетмейстер театра Алла Рубина, пластически оформляющая спектакли, становится здесь соавтором.

Все это создает пряную и тревожную атмосферу, но ее же порой разрушает, переходя грань возможного, необходимости, меры, ставя перед спектаклем нелегкую задачу — не потерять суть в этом вечном движении и, главное, не смутить зрителей игровой избыточностью спектакля, затмевающей иногда его серьезность.

Театр умеет, однако, решить напряженный сюжет о страсти иначе — лаконично и строго, все уведя внутрь, в подтекст, в форме суховато условной. Таков "Настоящий мужчина в начале тысячелетия" (пьеса Танкреда Дорста при участии И.Элер по известной новелле Унамуно "Настоящий мужчина") в постановке Резниковича. Подзаголовок "Опыт об истине" точно передает жанр: именно опыт, психологическое исследование страсти, чуждающейся самой себя, скрытой за внешним, наигранным прагматизмом, в придуманном для себя "футляре" (если взять чеховский образ). История любви и брака самоуверенного, жесткого Фернандо Краппа (Виктор Сарайкин) и щедрой душевно Юлии (Наталья Доля) изначально чревата драмой и заканчивается трагично: ее гибелью, его одиночеством. Опять-таки без

мелодрамы, скупо по форме, наполненно — изнутри.

Наталья Доля — из той молодежи театра, что выращена здесь, выдвинулась вперед, усвоив, впитав в себя главные его правила: разработанность актерского аппарата, пластичность, подвижность, острая реактивность — и неизменно сердечность (та же страстность по сути). Ей довелось стать героиней последней его премьеры, состоявшейся на гастролях в Москве: "Каменного властелина" Леси Украинки, названного здесь "В плену страстей". Это не парадокс, не ошибка: в центре спектакля (и пьесы) — не Дон Жуан, но женщина, Донна Анна.

Сложная поэтическая драма, к которой не впервые в истории своей обратился театр, вольно трактует вечный сюжет Дон Жуана. Женщины, любовные игры с ними, список побед, — все вторично. Главное — идея свободы, которой он одержим, которой он соблазняет Анну: вырваться из плена мертвого, окаменелого ритуала, в мир свободных страстей. Но и этот мир грозит пленом, оказывается ловушкой. Наполняют его страсти разного рода: любовная страсть обоих; страсть к свободе как воле (толстовское слово) у Дон Жуана; честолюбивые страсти Анны с ее мечтой о троне сначала для мужа-Командора, потом для Дон Жуана — "Без власти нет свободы".

Целеустремленная, сильная Анна сама решает свою судьбу, подчиняет себе Дон Жуана, понуждает к роковому поступку — нарушить "слово чести", данное некогда другой женщине; снять с пальца перстень, который он поклялся не снимать. Традиционный для этого сюжета финал — явление мертвого Командора — воспринимается как нравственный итог, как возмездие.

В спектакле Резниковича и Левитской, испански суровом и страстном, с тревожным, таинственным колоритом, тема Рока приглушена (разве что роковое влечение, предназначение героев друг другу); нравственные проблемы обострены. Они самой пьесой заключены в своеобразный треугольник, где нет соперничества, но есть противостояние двух женщин: гордой и своевольной Анны (Наталья Доля) и самоотверженной Долорес (Ольга Кульчицкая), воплощенной совести Дон Жуана. Если и есть между ними борьба, то не прямая, — борьба за его душу; исход ее известен.

При этом никакой поучительности, морализирования в спектакле нет. Он полон (и переполнен) движением, музыкой, танцем. Юный и романтический Командор (Роман Трифонов) насмерть сражается с Дон Жуаном (Олег Треповский), немолодым, уже потрепанным жизнью, но, видимо, привлекающим все новых жертв и стойкой слабой своей, и соблазном свободы. Правит бал здесь, однако, не он, но женщина, юная, прекрасная и опасная, сложно, свободно и страстно сыгранная Натальей Долей.

Гастроли кончились; театр уехал, оставив за собой след этих, совместно пережитых страстей, щедрого (слишком порой) мастерства, одаренной, помолодевшей труппы. Название этой статьи ("Лица театра-2"), пожалуй, неверно. Лицо на этот раз определенное и одно, отмеченное страстностью, азартом игры и жизненной силой.

Здесь могут, наверное, многое — с этой сердечностью, чувством формы, честной и полной отдачей. Могут сыграть Шекспира — готовы; время пришло и для комедий его, и для пьесы, о которой мечтал Резникович ("Мера за меру"). Могут и Чехова — "Дядю Ваню", к примеру, где так хороши были бы Треповский и Шестопалов с их мягкостью и органической простотой (она проступает в "демонических" ролях Треповского, явно мешает ему), и Назарова, которая смогла бы разглядеть в скучающей Елене "русалку", и Кульчицкая, которой была бы к лицу роль нежной и скромной Софии.

Впрочем, что ж я так размышляю? — Здесь уже репетируют "Таланты и поклонники". У Резниковича своя стратегия есть...

- **Юрия Мажуга и Антон Мухарский** в спектакле "Ревизор" Н.Гоголя
- **Татьяна Назарова** в спектакле "Госпожа министерша"
- **Татьяна Назарова** в спектакле "Тойбеле и ее демон"
- **Виктор Алдошин** в спектакле "Месть по-итальянски"
- **Наталья Доля и Олег Треповский** в спектакле "В плену страстей" ("Каменный властелин") Леси Украинки